Александр Ожиганов

ИЗ ЦИКЛА: "П О Д В А Л"

ХХХ

На глубине гробов гуденье
моторов, одурь, обостренье
чувств и, конечно, духота...

На глубине гробов - раденье
голубоглазого крота.

Напряжено двойное зренье,
и наконец-то темнота
дана кроту как откровенье
горизонтального креста
канализации. Мгновенье
уже пузырится у рта:

зерно миазмов, средостенье
стального стебля и листа
стального, слабого... Сомненье,
сумятица и слепота.

Одновременное прочтенье.
Рой! Параллельная черта -
темнее тьмы - твое спасенье
/через повязку - сто из ста!/:
горизонтально - озаренье
тьмой, словно музыкой с листа.

ХХХ

Я потерял тебя, как птица голос,
как самого себя двойняшка-шиз...
На тридцать семь осколков раскололась
моя - моя? - моя чужая жизнь.

Не склеиваю. Три стеклянных грани
перевяжу картонною трубой:
осколки, словно буквицы в Коране,
соединятся вдруг перед тобой.

Твой глаз навечно вписан в треугольник
калейдоскопа. Форму пустоты
сурово сформулировал крамольник:
"Я - только то, что созерцаешь ты."

Двукратным отражением осколков
раскроется цветок небытия...
Но в сутолоке догм и кривотолков
ты - это все, что созерцаю я.

ХХХ

Ход жизни замедляется. Часы
по-прежнему спешат. Очарованье
любви однообразно, как и впредь.
Поэзия похожа на вязанье.
Красоты сквера и твои красы
осквернены уродливою мукой,
которая покажется наукой
между двумя мгновениями, ведь

я ухитряюсь набросать строку
между двумя подпитками. В котельной
четыре Полифема. Одиссей
эпичен, потому что не на сдельной
работе - только в собственном соку
горит: легко ли выколоть гляделки
всем четверым? Подобия. Подделки.
И эпос заменяется досье.

Ход жизни замедляется. Звонок,
не умолкая, никого не будит.
Беруши исчезают из аптек.
И девочки расплющивают груди,
закручивая лифчики. Намек
на выпуклости устраняют дочки.
Все плоско: ни извилины, ни почки.
Се человек.

Кто есть, тому и есть. Всечеловек
есть, то есть ест. Ничто ему не чуждо.
Всё нипочем. А в центре - идеал,
что затыкают плавленным. Зардушта
пожертвовал арийский чебурек
для ритуальных трапез общепита.
Жизнь за углом из горлышка распита.
Но кто-то на вторую добавлял.

Ход жизни заплетается. Пуста.
Полна. Пуста... Теория Эйнштейна
дополнена бутылкою портвейна -
самтрестовскою кровию Христа.

ХХХ

Котел существованья. Дарвинизм.
Притершемуся клапану - тарелка.
За красною чертой трясется стрелка
манометра... "Трави! Что свыше - вниз,
в канализацию и в нети..."
Обжорство процветает на диете.

Не совершенства требовал подвал,
но полного отказа от свершений
внутри себя, избыточных давлений
внутри, раздувших опухолью фалл.

О совершенство инфузорий! - крик
обросшей ~~жизни~~ жижи, сдавленной до знака,
что Совершенный Путь - клоака
в тупик, куда вливается двойник
и тянет отраженье цитостом,
чтоб отразиться новым двойником.

"На мыло!..." Дефицитом щелочей
и лампочек подвал покрыл избыток
партчисток и электропыток
/"Играем до ничьей!"/.

Навинчивая нуль на полый вал,
подвал покрыл подвал.

И с предсказуемою частотой,
как бы - левша - здороваясь с правшою,
выскакивает слово Полой Вшою
и густо обрастает пустотой.

ХХХ

Здесь, где-то между Сеной и Читой,
подвал, провалы памяти, ничто.

И железнодорожные мосты
сошлись на циферблате, как распятья,
раскрыв объятья,
железные объятия Москвы.

Когда КАщей-ушкуйник размозжил
багровой пятерней снежок
шершавый,
из рваных жил
забил электроток,
ток Времени, сухая кровь Державы.

Ток, горлом ток: разряд, разряд, разряд!..-
от ГОЭЛРО до ГЭС электродуша,
и вот уже выходит на парад
Москва-кликуша.

"ДАЗДРАВСТВУЕТДАЗДРАВСТВУЕТДАЗДРА..." -
здесь, где-то между завтра и вчера.

Отправился отпраздновать права
союз колонн, каналов и колоний:
на электродраконе
электрованькой-встанькой - голова!

Темно в глазах от лампочек и фар
иллюминаций.
Левин из коробки
гулит: "ЮАРЮАРЮАРЮАР!..
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ"...
Перегорели пробки.

/Перебои в электроснабженье:
не хватает крови проводам.
Громадье. Размах. Шаги саженьи.
Трам-там-там-там-там!/

Во тьме на серый "голубой экран"
смотрю. ЭЛЕКТРОМОЗГ. ЭЛЕКТРОСИЛА.
ЭЛЕКТРОШОК... По прежних сердца ран,
Глубоких ран любви ничто не излечило...

Внутри эмтрадных раковин ничто
колотится лечебною мечтой:

лечь!.. Электрогитарой Минотавр
жужжит и жалит в лабиринте уха,
как быко-муха,
и пичкает таблетками литавр.

Уснуть! - обязанность, и право - спать! Сурок,
статью, чтоб все за чтением дремало!..
Но дернешь нитку - вертится клубок,
а конституций - в самом деле - мало.

Спусти же воду! - переночевал.
Бумагу - в урну, самому - в подвал.

XXX

Здесь сигнальные лампочки тлели
и сверчков милицейские трели
проникали до мозга костей.
А по радио та же программа:
после двух пять минут новостей
и концерт для строителей БАМа.

Между тем как сексотами бриттов
был украден в Венеции Битов,
я следил за работой котла
по скользящему графику или
спал под блеянье диско-козла
как убитый. За мной не следили.

Шум в ушах не заглушат беруши.
Лихорадка рвет снасти на суше.
Принимаю свой собственный 0 :
обезличенный символ несчастья,
как бегущий по Невскому нос
Ковалева, не будит участья.

Я расстался в слепой круговерти
со смердящей схоластикой смерти:
как зэка, отдающий часы
часовому, обычную меру
бытия, не взглянув на весы,
принимаю на веру.

Пять минут на исходе. "Народы
всей планеты... С прогнозом погоды..."
На щите, как зловещий кастет,
тлеют лампочки по вертикали.
"А теперь начинаем концерт
для строителей Байкало-Амурской магистрали..."

XXX

Ночь рождения теплится скудно
стеариновой тонкой свечой,
и десятые доли секунды
без конца отмеряет сверчок.

Счетовод, пустоту экономит,
торопясь, прячет сумерки впрок.
Ах, прихлопнуть бы этот хронометр,
чтобы брызнуло под потолок!..

Верещит, раздуваясь от злобы:
"Трыть - трыть - трыть!.."
К сорока возрождаешься, чтобы
из пустого в порожнее лить.

ЗАГОВОР

Нюше

I

В темной камере бумага -
словно часть Сибири белой.
Переломленная шпага,
может быть, опасней целой.

Верноподданое сало -
в орденах как в черных нирях.
Дерзкий заговор гусаров -
весь в созвездиях Сибири!

И верстою черно-белой
разделились судьбы, жизни:
вам - служебная карьера,
им - служение отчизне.

Ночь перинами кошмаров
вам закладывает уши...

Дерзкий заговор гусаров
не задушен, не задушен!

Не даруется свобода
по указке демиурга.
Из Петровского Завода
гул идет до Петербурга.

В рудниках не угасало
пламя гордого терпенья:
дерзкий заговор гусаров -
Манифест освобожденья!

Честь отечества на части
не разъять, позор - его же.
И душителей все чаще
дерзкий заговор тревожит.

В жилах руд и в блеске залов,
и в Чите, и в Акатуе
дерзкий заговор гусаров
существует, существует!

Знамя доблести и чести
держит каторжная муза.
Нас записывает Пестель
в члены тайного союза.

Вырываясь из анналов,
как из шахтного колодца,
дерзкий заговор гусаров
удается... удается!...

2.

Среди измен и недоразумений,
переплетенья истины и лжи
история побед и поражений -
сплошные виражи:

то влево подает, то валит вправо!..
Не разберешь: победа ли? беда?
Изменчива судьба. Посмертна слава.
Незыблема Полярная звезда.

Но бесконечна зимняя дорога –
назад не повернуть.
И кажется, что вот еще немного, –
и весь, как выстрел, выпрямится путь!..

От желтых стен Сената и Синода
до сосен Акатуя и Читы
твои пути воздушные, свобода,
вовек прямолинейны и чисты.

.....